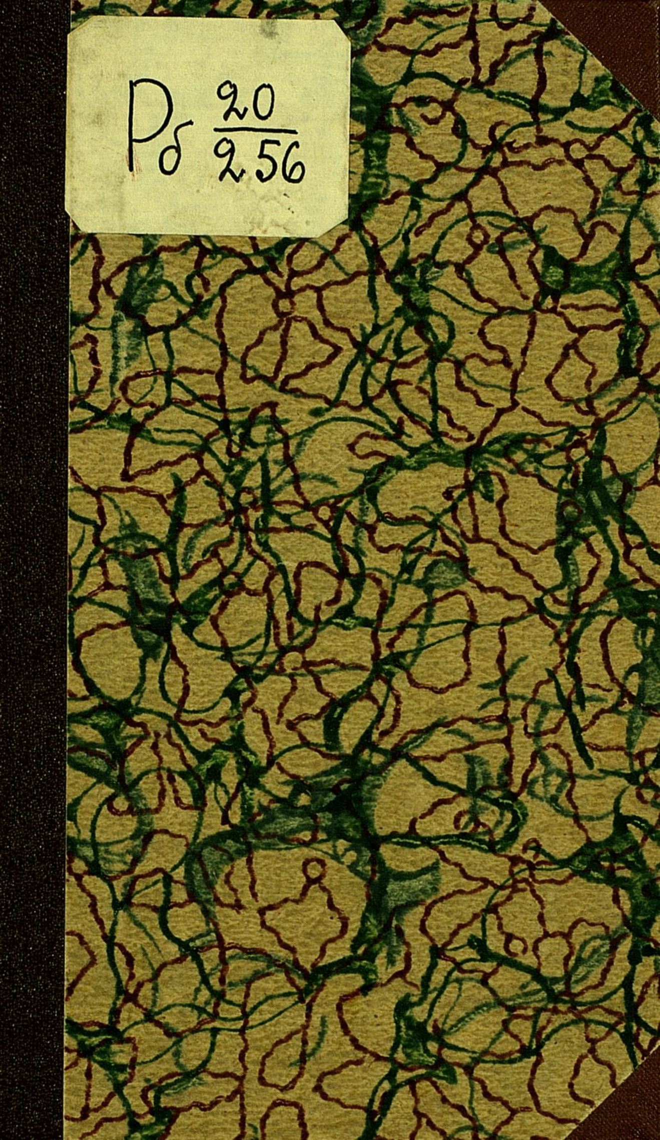
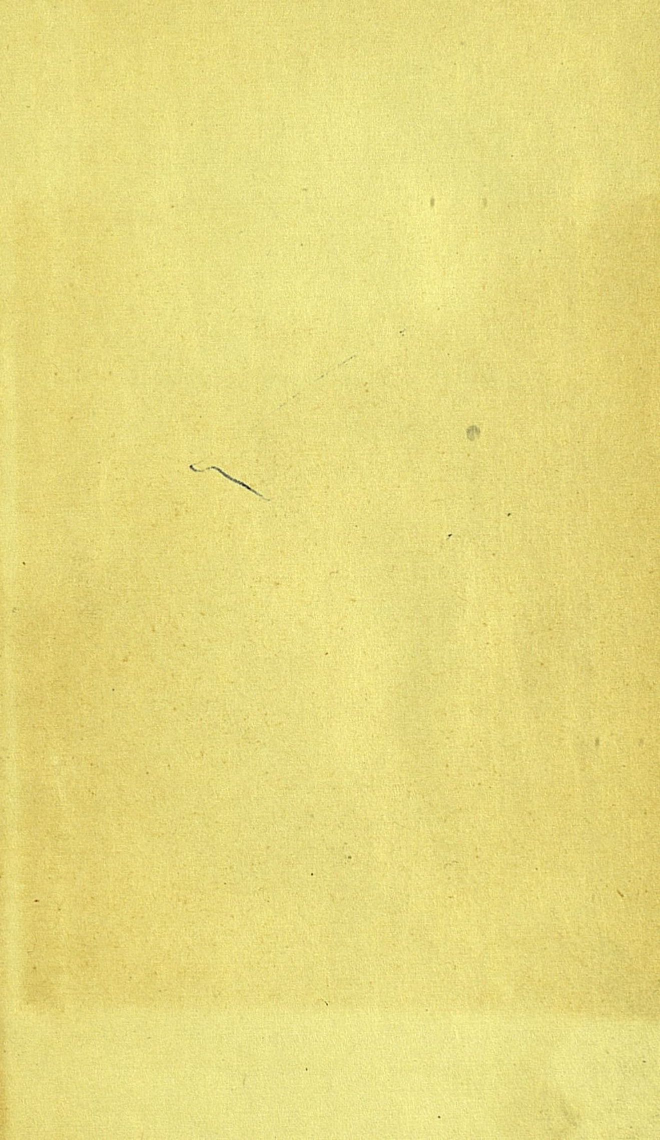

Pδ 20/256

СТАРЫЙ МІРЪ

И

РОССІЯ

Письма Искандера къ редактору "The English Republic", В. Линтону.

(1854 г.)

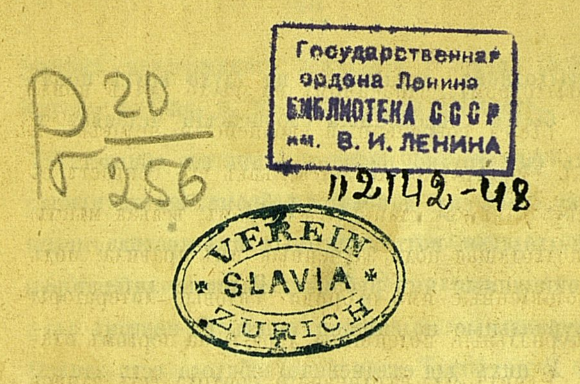
Переводъ съ Французскаго.

LONDON

TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.

1858

2010515806

П. Трюбнеръ прислалъ мнѣ прилагаемый переводъ, спрашивая моего согласія на изданіе его.— Политическія статьи быстро вянутъ и я, перечитавъ эти письма къ В. Линтону—писанныя передъ Крымской войной, во время царствованія въ бозѣ почивающаго и "незабвеннаго" Николая—задумался было о томъ, печатать ихъ или нѣтъ. Но сказанное слово тоже фактъ и отпираться отъ него стыдно; я не напрашивался на переводъ — но не хочу и мѣшать ему, тѣмъ больше, что онъ уже сдѣланъ.

Письма эти навлекли на меня сильныя гоненія отъ Англійскихъ и особенно отъ Нѣмецкихъ журналистовъ. Трудно себѣ представить въ какомъ

безвыходномъ, запаенномъ на глухо кругѣ понятій бьется современный европейскій человѣкъ и какъ ему трудно достается, какъ его сбиваетъ съ толку, какъ ему становится ребромъ, всякая мысль, неподходящая подъ заученныя имъ правила, подъ заготовленные имъ рубрики. Рядовые литераторы и журнальные поденщики стоятъ на первомъ планѣ. У нихъ для ежедневнаго обихода есть запасъ мыслей, знаній, сужденій, негодованій, восторговъ и главное прилагательныхъ словъ, которые у нихъ идутъ на все; ихъ по мѣрѣ надобности сокращаютъ, растягиваютъ, подкрашиваютъ въ ту или другую краску. Эта трафаретная работа необычайно облегчаетъ трудъ; ее можно продолжать во всякомъ расположеніи, съ головною болью, думая о своихъ дѣлахъ, такъ какъ старухи вяжутъ чулокъ. Но все это идетъ пока дѣло вертится около знакомыхъ предметовъ. Новое событіе, неизвѣстный фактъ, принимается напротивъ съ скрытой злобой—какъ незваный гость, его стараются сначала не замѣчать, потомъ выпроводить за дверь, а если нельзя иначе, оклеветать.

Письма эти имѣли въ себѣ многое чтобъ возбудить гнѣвъ и въ обыкновенное время—а они явились во время повальной ненависти къ Россіи и

ничѣмъ неудержимаго воинскаго героизма союзниковъ вообще, и въ особенности Нѣмцевъ.

Чтобъ дать понятіе что такое были нападки, я упомяну о трехъ самыхъ забавныхъ: одинъ господинъ говоритъ что въ этихъ письмахъ я ставлю въ образецъ и идеалъ—крѣпостное состояніе; другой—что я совѣтую не только завоеваніе Константинополя, но и Вѣны. Третій—что все сказанное мною объ сельской общинѣ, ложно и выдумано: "онъ дошелъ до того что даже въ устройствѣ Украинскихъ казаковъ, старается показать начала демократическія, почти республиканскія"!

Почти еще забавнѣе были два изустныя замѣчанія. Редакторъ однаго недѣльнаго листа замѣтилъ мнѣ что анти-религіозный характеръ моихъ писемъ—оскорбителенъ для Англичанъ, для народа по преимуществу христіанскаго. "Вотъ говоритъ онъ вамъ примѣръ, человѣкъ необычайной энергіи и силы мысли, отецъ соціализма старый Роберъ Оуенъ, отчего не имѣлъ успѣха, отъ чего не основалъ школы—оттого что онъ прямо отвергаетъ христіанство".

Нѣсколько дней послѣ встрѣтилъ я другаго ре-

дактора другаго тоже недѣльнаго листа. Онъ мнѣ сказалъ что хотѣлъ напечатать отрывки изъ моихъ писемъ—но нашелъ что въ нихъ все такъ пропитано соціализмомъ, который антипатиченъ англосаксонской расѣ—что онъ не рѣшился этого сдѣлать.

—Роберъ Оуенъ оттого не имѣлъ успѣха, сказалъ я, оттого не основалъ школы—что онъ Социалистъ.

—Безъ малѣйшаго сомнѣнія! отвѣчалъ утвердительно редакторъ.

Что же бы осталось отъ Оуена, еслибъ изъ его сочиненій взять все соціальное и все анти-христіанское?

Ошибокъ въ этихъ письмахъ много. Кто могъ предвидѣть что первою жертвой Крымской войны, падетъ Николай—я всегда думалъ, что онъ проживетъ какъ царь Иванъ Васильевичь до Аредовыхъ лѣтъ.

Но въ чемъ я не ошибся и что составляетъ сущность этихъ писемъ, это въ моемъ предсказаніи что Россія должна вступить въ новую эру развитія, что узкій деспотизмъ Николая становился тѣсенъ для ея роста.

Да не ошибся я и въ томъ, что Англія сдѣлается больше и больше отчужденнымъ островомъ, хра-

нящимъ въ своихъ свободныхъ учрежденiяхъ прежнiй идеалъ общественнаго устройства, къ которому стремился весь европейскiй мiръ—да середь дороги ослабѣлъ, одряхлѣлъ и подпалъ двумъ величайшимъ врагамъ развитiя и свободы—подогрѣтому католицизму и вновь воскресшему абсолитизму.

Нашихъ соотечественниковъ прошу я незабывать что эти письма писаны не для Русскихъ, и не тѣмъ языкомъ которымъ мы говоримъ.

И—ръ.

1 Января 1858 года.
Путней (близь Лондона)

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Любезный Линтонъ!

"Какая по мнѣнію вашему, будущность Россіи"? спрашиваете вы.

Всякій разъ когда мнѣ приходится отвѣчать на подобный вопросъ, я отвѣчаю тоже спрашивая: способна Европа къ общественному возрожденію или нѣтъ? Вопросъ этотъ очень важенъ! Ежели народу русскому предстоитъ только одна будущность, то судьбамъ имперіи россійской предстоятъ двѣ будущности. Отъ Европы будетъ зависѣть—которая изъ двухъ совершится.

Мнѣ кажется, что роль теперешней Европы совершенно окончана; съ 1848 года, разложеніе ея ростетъ съ каждымъ шагомъ.

Слова эти ужасаютъ, и всѣ безотчетно оспориваютъ ихъ. Разумѣется, не народы погибнутъ, — погибнутъ государства, погибнутъ учрежденія: римскія, христіанскія, феодальныя, парламентскія, монархическія или республиканскія,—все равно.

Европа должна преобразоваться, разложиться, чтобъ войти въ новыя сочетанія. Подобнымъ образомъ имперія римская преобразовалась въ Европу христіанскую. Она потеряла свою самобытность, и вступила въ новый міръ, взошла въ него одною изъ дѣятельнѣйшихъ стихій.

До сихъ поръ въ Европѣ были только внѣшнія преобразованія; основанія же новаго порядка государствъ оставались неосуществленными; старое зданіе только поправляли. Такова была Реформа Лютера, такова была Революція 1789 года.

Мы дошли наконецъ до крайнихъ границъ передѣлокъ и защекатуриваній; вѣтхія формы слишкомъ тѣсны; въ нихъ нельзя повернуться, опасаясь что онѣ распадутся. Революціонная мысль сверхъ того несовмѣстна съ существующимъ порядкомъ вещей.

Государство съ римскими понятіями, основанными на поглощеніи личности—обществомъ, на религіи случайной собственности, на привилегіяхъ и монополяхъ, на нравственномъ дуализмѣ (даже въ революціонной формулѣ: "Богъ и Народъ") —такое государство не можетъ ничего оставить потомству, кромѣ своего трупа, т. е. свои химическіе элементы—освобожденные смертью.

Соціализмъ отрицаетъ все то, что политическая республика сохранила отъ стараго общества. Соціализмъ — религія человѣка, религія земная, безнебесная, — общество безъ правленія, воплощеніе Христіанства, одѣйствотвореніе Революціи.

Христіанство преобразовало раба въ сына человѣческаго; Революція преобразовала отпущенника въ гражданина; Соціализмъ хочетъ изъ не-

го сдѣлать человѣка (ибо городъ долженъ зависѣть отъ человѣка, а не человѣкъ отъ города). Христіанство указываетъ людямъ на сына Божія, какъ на идеалъ—Соціализмомъ сынъ объявляется совершеннолѣтнимъ, человѣкъ хочетъ быть болѣе чѣмъ сыномъ Божіимъ, — онъ хочетъ быть самимъ собою.

Всѣ отношенія общества къ частнымъ лицамъ, и частныхъ лицъ между собой, должны быть совершенно измѣнены. И тутъ является вопросъ: будутъ ли имѣть народы германо-романскіе достаточно силъ, чтобъ подвергнуться этому переселенію душъ, и въ состояніи ли они подвергнуться ему теперь?

Мысль соціальной революціи — мысль европейская; но изъ этаго не слѣдуетъ что западные народы одни, призваны осуществить ее.

Христіанство было только распято въ Іерусалимѣ.

Мысль соціальная равно можетъ быть духовнымъ завѣщаніемъ, предсмертной волей, предѣломъ западнаго міра — какъ и торжественнымъ входомъ въ новое существованіе, пріобрѣтеніемъ совершеннолѣтней тоги.

Европа слишкомъ богата, чтобъ рисковать всѣмъ имуществомъ на одной картѣ; она желаетъ сохранить многое; ея нисшіе классы слишкомъ отдалены отъ цивилизаціи, чтобы она зря могла броситься всѣмъ тѣломъ въ такой коренной переворотъ.

Республиканцы и монархисты, деисты и іезуиты, горожане и крестьяне — все это консерва-

торы. Развѣ — придется исключить однихъ только работниковъ.

Работникъ можетъ отвратить отъ стараго свѣта большой позоръ и большія несчастія. — Но спасенный имъ онъ не переживетъ одного дня; потому что съ нимъ водворится соціализмъ — и вопросъ будетъ положительно рѣшенъ.

Но и работникъ можетъ быть побѣжденъ — какъ это было въ іюньскіе дни. Противудѣйствія будутъ еще свирѣпѣе, еще страшнѣе. Тогда разложеніе стараго міра придетъ инымъ путемъ, и соціализмъ — осуществится въ другихъ странахъ.

Взгляните напримѣръ на эти двѣ огромныя равнины, сходящіяся затылками, обогнувъ Европу. Зачѣмъ онѣ такъ пространны, къ чему онѣ готовятся, что означаетъ пожирающая ихъ страсть къ дѣятельности и расширенію? Эти два міра, противуположные одинъ другому, и между которыми есть своего рода сходство — Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Россія.

Никто не сомнѣвается, что Америка продолженіе европейскаго развитія — и ничего болѣе какъ его продолженіе. Лишенная всякой инициативы, всякаго изобрѣтенія, Америка готова принять бѣгущую отъ реакціи Европу, осуществить своего рода соціализмъ, но она не пойдетъ низвергать древнее зданіе заатлантической океанъ и не покинетъ для этого своихъ богатыхъ полей.

Можно ли сказать тоже о славянскомъ мірѣ? Чего домогается этотъ нѣмой міръ, проживші

въ постоянномъ a parte не разкрывая рта, цѣлый рядъ столѣтій, со времени переселенія народовъ до нашихъ временъ?

Міръ странный не имѣющій почти ничего общаго ни съ Европой, ни съ Азіей.

Европа занята крестовыми походами—Славяне сидятъ спокойно дома.

Европа развиваетъ феодальную систему, строитъ большіе города, составляетъ законодательства основанныя на римскомъ правѣ, и на германскихъ обычаяхъ; Европа становится послѣдовательно протестантской, либеральной, парламентской, революціонной. Славяне не имѣютъ ни большихъ городовъ, ни аристократическаго дворянства; они не понимаютъ римскаго права, не знаютъ различія между крестьяниномъ и горожаниномъ; они предпочитаютъ жизнь сельскую и сохраняютъ свои патріархальныя и демократическія установленія — свою сельскую общину и вѣче.

Часъ этихъ народовъ еще не пробилъ, они всѣ въ ожиданіи чего то, ихъ теперешнее statu quo какое то предварительное состояніе; — такъ по крайней мѣрѣ кажется.

Нѣсколько разъ славянскіе народы пытались сложиться въ сильныя государства. Опыты ихъ повидимому удавались (какъ напримѣръ Сербіи при Душанѣ) и потомъ эти государства глохнутъ, останавливаются безъ всякой причины.

Разпространенные отъ береговъ Волги до береговъ Эльбы, до Адріатическаго Моря и Архипелага, Славяне никогда не соединялись въ одно, для общей защиты. Часть ихъ изнемогаетъ подъ нѣмецкимъ

игомъ, другая терпитъ владычество Турокъ, третья —была порабощена варварскими ордами напавшими на Паннонію. Большая часть Россіи, долгое время, страдала подъ игомъ монгольскимъ.

Одна лишь Польша оставалась независима и сильна.... но это потому что она была меньше славянскою чѣмъ прочіе племена; она была католическою. А католицизмъ совершенно противенъ славянскому генію. Славяне, первые, вступили въ вражду съ Папизмомъ, ихъ борьба съ тѣмъ вмѣстѣ имѣла въ себѣ характеръ глубоко — соціальный. (Табориты).

Завоеванная и покоренная католицизмомъ Богемія, сломилась.

И такъ Польша сохранила свою независимость нарушеніемъ соплеменнаго единства и сближеніемъ своимъ съ западными Государствами.

Остальные Славяне, хотя и оставались независимы, но не занимались своимъ государственнымъ устройствомъ; общественная жизнь ихъ была нѣчто въ родѣ колеблющагося, неопредѣленнаго, не устоявшагося анархизма (какъ бы выразились здѣшніе друзья порядка).—Въ мірѣ можетъ быть нѣтъ положенія болѣе сообразнаго съ Славянскимъ характеромъ, какъ положеніе Украины или Малороссіи, со временъ Кіевскаго періода до Петра I.

Это была казачья и земледѣльческая республика, управляемая военною дисциплиною, но на основаніяхъ демократическаго комунизма. Безъ средоточія, безъ правленія, повинуясь лишь древнимъ

обычаямъ, не подчиняясь ни царю московскому, ни королю польскому. Аристократіи не было, всякій совершеннолѣтній человѣкъ былъ дѣятельнымъ гражданиномъ; всѣ должности, начиная отъ десятника до Гетмана, были избирательныя. Республика эта существовала отъ XIII вѣка до XVIII, не смотря на безпрестанныя вражды ея съ Великороссіей, съ Поляками, Литовцами, Турками и крымскими Татарами. Въ Украйнѣ, въ Черногоріи и даже у Сербовъ, Иллирійцовъ и Далматовъ — повсюду геній славянскій заявилъ себя, свои стремленія, но не развилъ крѣпкой политической формы.

Однако надо было наконецъ пройти дрессировкой сильнаго Государства, надо было соединиться, сосредоточиться, покинуть вольную, казачью и комунальную жизнь, жизнь спустя рукава; однимъ словомъ проснуться отъ продолжительнаго общественнаго сна.

Около XIV столѣтія въ Россіи образуется средоточіе, около котораго тяготѣютъ и кристаллизуются всѣ разнородныя части государства—это средоточіе Москва. Со времени ея появленія какъ центра, она становится столицей всего славянскаго Православья.

Въ Москвѣ образовалось византійское и восточное самовластье царей. Москва уничтожила все независимое старой Руси, всѣ вольности народныя. Все было принесено на жертву идеи государства; все приводится къ его одному знаменателю и—все склоняется. Народъ, низвергнувъ иго монгольское, продолжая кровавую вражду съ Ливонцами, и видя вооруженіе Польши,—какъ будто чувствовалъ что,

для спасенія своей народности и своей будущности, слѣдовало отречься отъ всѣхъ правъ человѣческихъ.

Новгородъ — великая и вольная весь — былъ живымъ упрекомъ едва родившейся столицѣ царей. Москва, съ кровавой жестокостью и безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, задушила своего противника.

Когда вся Россія была у ея ногъ, Москва столкнулась лицемъ къ лицу съ Варшавой.

Борьба двухъ новыхъ соперницъ была продолжительна, она окончалась въ другую эпоху. Нѣкоторое время Польша имѣла верхъ, Москва склонялась передъ ней, Владиславъ, сынъ Сигизмунда царя польскаго, былъ провозглашенъ царемъ всея Россіи. Домъ Рюрика и Владиміра Мономаха угасъ, — небыло никакого управленія, польскіе военачальники и гетманы казаковъ царили въ Москвѣ.

Тогда народъ, повинуясь воззванію Минина — возсталъ и принудилъ Польшу покинуть Москву и русскую землю.

Москва, окончивши свое дѣло — спаиванія частей Государства — пріостанавливается, не знаетъ куда употребить ею собранныя и остававшіяся въ бездѣйствіи силы. Выходъ нашелся имъ скоро. Тамъ гдѣ много силъ — тамъ выходъ всегда есть.

Явился Петръ I и сдѣлалъ изъ Государства Русскаго — Государство Европейское.

Скорость, съ которою часть народонаселенія по-

корилась европейскимъ обычаямъ, отрекшись отъ своихъ старыхъ прывычекъ, ясное доказательство того, что московское Государство, никогда не было полнымъ выраженіемъ жизни народной, и что существованіе его было только временное. Одни крестьяне противудѣйствовали, когда перемѣны касались основъ ихъ быта и страдательно уклоняясь, не приняли преобразованій Петра I. Они остались вѣрнымъ хранителемъ народности, основанной (по выраженію Мишле) на комунизмѣ т. е. на постоянномъ раздѣлѣ полей по числу работающихъ, и на отсутствіи личнаго обладанія землею

Какъ Сѣверная Америка представляетъ собою послѣдній выводъ республиканскихъ и философскихъ идей Европы XVIII вѣка; такъ С. Петербургская Имперія развила до чудовищной крайности (начала Монархизма и европейской бюрократіи). Послѣднее слово консервативной Европы произнесено Петербургомъ; и вотъ почему всѣ реакціонеры, обращаютъ взоры свои къ этому Риму самодержавія.

Какими огромными силами располагало петербургское правительство — показываетъ гигантское пространство этаго государства. Средства его были такъ велики, что не смотря даже на время смутъ и сквернаго управленія отъ Петра I до Екатерины II Россія матеріально расширилась съ неимовѣрной быстротой.

Овладѣвъ и поглотивъ все что встрѣчалось на пути, Остзейскія провинціи и Крымъ, Бессарабію и Финляндію, Армянію и Грузію; раздѣливъ Польшу, овладѣвъ одной турецкой провинціей за

другой—Имперія россійская наконецъ нашла себѣ мощнаго соперника въ французской Революціи — поставленной къ верхъ ногами, преобразованной изъ борьбы за свободу въ военный деспотизмъ — очень похожій на петербургское самовластье. Россія вступила въ бой съ Наполеономъ, и побѣдила его.

Съ той минуты какъ Европа, въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Аахенѣ и въ Веронѣ признала, *volens nolens*, игемонію императора россійскаго — съ той минуты трудъ Петра былъ завершенъ, и императорская власть снова появилась въ такомъ же положеніи, въ которомъ были цари московскіе до Петра I, Александръ I понималъ это.

Императорская власть можетъ еще продержаться, стращая и заставляя себя уважать всѣми средствами, которыя находятся въ рукахъ самовласьтя; но она не можетъ ничего создать, ввести чего либо новаго, опасаясь встрѣтить на каждомъ шагу тотъ духъ, котораго она боится вызвать.

Такой власти ничего не остается дѣлать какъ вести войну внѣшнюю.

Николай однакожъ постоянно воздерживался отъ войны.

Какъ же это случилось, что спустя двадцать пять лѣтъ стертаго царствованія, имъ вдругъ овладѣваетъ безрасудная отвага, и онъ бросаетъ свою рукавицу въ лицо Франціи и Китая, Англіи и Японіи, Швеціи и пожалуй Австріи . . . . не говоря уже о Турціи . . . .

Говорятъ что онъ сошелъ съ ума?

— Я думаю что онъ напротивъ, взошелъ въ разумъ.

Чтобъ начать войну онъ долженъ былъ быть совершенно увѣренъ въ жалкомъ состояніи европейскихъ Государствъ; онъ долженъ былъ питать къ нимъ безпредѣльное презрѣніе..... Николай, до 1848 года, дулся только на западныя державы — но онъ не презиралъ ихъ. Онъ трепеталъ узнавши о революціи 1848 года, и успокоился лишь только по полученіи извѣстія о кровавой диктатурѣ Кавеньяка. Но послѣ помощи, оказанной имъ Австріи вмѣшательствомъ въ венгерскія дѣла, вмѣшательствомъ также спокойно терпимымъ Англіею, какъ и вступленіе Французовъ въ Римъ,—онъ лучше понялъ положеніе своихъ друзей-противниковъ. Медленно и постепенно онъ вымѣривалъ глубину ихъ малодушія, ихъ невѣжества—и тогда уже началъ войну.—Хотите биться объ закладъ что онъ выйдетъ побѣдителемъ, ежели не вмѣшается въ нее неожиданное третье лицо? —общій врагъ ихъ всѣхъ т. е. Революція.

"Въ такомъ случаѣ намъ не до войны! лучше объявить себя напередъ побѣжденными, пожертвовать Турціей, уступить Константинополь, чѣмъ вступить въ борьбу съ царемъ".

Такъ разсуждаютъ дипломаты, банкиры и всѣ думающіе что консерватизмъ состоитъ въ томъ чтобъ не потерять пятифранковой монеты, находящейся въ ихъ рукахъ—и закрывающіе глаза чтобъ не видать предстоящія имъ завтра опасности......

Хорошо, уступайте; не дѣлайте войны,—но знайте также что вмѣсто того чтобъ имѣть или Революцію или Николая....... Вы накличите и Николая и Революцію!

Объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Лондонъ 2 Января 1854 года.

—

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Любезный Линтонъ,

Формула европейской жизни сложнѣе формулы жизни древняго міра.

Когда образованность Греціи вышла изъ тѣсныхъ границъ муниципальныхъ республикъ, ея политическія формы быстро истощились — Греція обратилась въ Римскую провинцію.

Когда Римъ истратилъ основы своего устройства, и перешелъ свои политическія учрежденія, то не непаходя болѣе средствъ для перерожденія, онъ распался и взошелъ въ различныя сочетанія съ варварскими народами.

Древнія государства были не зимующія, а однолѣтнія.

Въ XV столѣтіи Европа пережила такой кризисъ, который для древнихъ республикъ былъ бы предвѣстникомъ неминуемой смерти. Совѣсть и разумъ возстали противъ основъ общественнаго зданія. Католицизмъ и феодальная система пока-

чнулись. Борьба продолжалась два столѣтія,...... мало по малу подкапывая церковь и престолъ.

Европа была такъ близка къ смерти, что уже у границъ ея стали показываться варвары — эти вороны чуящіе смерть народовъ.

Византію они уже заклѣвали; и готовились напасть на Вѣну; восходящая луна Магомета за которой они неслись остановилась на берегахъ адріатическаго моря.

На Сѣверѣ, шевелился другой варварскій народъ, народъ, одѣтый въ бараньи шкуры и съ "глазами ящерицы." Степи Волги и Урала, во всѣ времена, служили кочевьемъ бродящимъ народамъ; это было нѣчто въ родѣ мѣстъ сборища и ожиданія, officina gentium, гдѣ, молча, судьба собирала толпы дикарей, чтобъ въ свое время понять ими вѣтшающія страны, и покончить колеблющіяся цивилизаціи.

Тѣмъ не менѣе луна Ислама не шла далѣе развалинъ Акрополиса. А волжскіе варвары вмѣсто набѣговъ въ лицѣ о.наго изъ царей своихъ обращаются къ Европѣ, прося у нихъ науку и государственнаго строя.

И такъ первая громовая туча пронеслась надъ головами.

Что же случилось?

Вѣчное переселеніе народовъ къ Западу, остановленное на время у Атлантическаго океана, продолжилось; человѣчество пашло себѣ кормчаго — Христофоръ Колумбъ — показалъ дорогу.

Америка спасла Европу.

Европа вступила въ новый фазисъ существованія, фазисъ—недостававшій древнимъ народамъ: фазисъ разложенія по сю сторону и развитія по ту сторону Океана.

Реформація и Революція измѣняя многое, оставались въ стѣнахъ церквей и монархическихъ палатъ. Онѣ не могли совершенно разрушить древнее зданіе, онѣ его поправляли, куполъ готическаго Собора правду осѣлъ, тронъ пошатнулся, но полуразрушеныя они все таки существуютъ. И ни Реформація, ни Революція не имѣютъ болѣе надъ ними никакой власти.

Будетъ ли человѣкъ называться реформаторомъ, лютераниномъ, протестантомъ, квакеромъ — церковь все таки существуетъ, т. е. свобода совѣсти все таки не существуетъ — или будетъ являться личнымъ протестомъ, дѣломъ индивидуальнаго возмущенія. Будетъ ли правленіе парламентское, конституціонное, съ двумя палатами или съ одной, съ ограниченнымъ числомъ избирательныхъ голосовъ или съ всеобщимъ. — ослабленный тронъ все таки существуетъ; и хотя цари безпрестанно низвергаются, — но все таки за падшими являются другіе. За неимѣніемъ царя въ Республикѣ, — его замѣняютъ соломеннымъ королемъ, котораго предпологаютъ на тронѣ и для котораго сохраняются и дворцы и увеселительные замки — Тьюльри и Сен-Клу.

Раціональный Христіанизмъ съ своей стороны — борется съ церковью, не обращая вниманія на то что онъ первый будетъ задавленъ ея сводами. Монархическій Республиканизмъ борется съ прес-

толомъ, ломаетъ тронъ, а самъ хочетъ сѣсть на него по царски.

Духъ будущаго не тутъ, — потокъ перемѣнилъ направленіе; оставивъ на второмъ планѣ всѣхъ старыхъ Монтекки и Капулетти продолжать ихъ наслѣдственную вражду. Борьба поднимается уже не противъ священника, не противъ короля, не противъ дворянина, а противъ ихъ наслѣдника — противъ хозяина, противъ патентованнаго владѣльца захватившаго въ свои руки орудія работы. Оттого революціонеромъ является уже не гугенотъ, не протестантъ, не либералъ—а работникъ.

И вотъ помолодѣвшая Европа еще разъ, останавливается у третьяго порога не смѣя перешагнуть оный. Она трепещитъ передъ словомъ Соціализмъ, написаннымъ на дверяхъ входа. Она думаетъ что дверь эта должна быть отворена Катилиною, и это правда. Дверь сама собой отвориться не можетъ, она будетъ отворена Катилиною. . . . . . и Катилиною у котораго столько друзей что невозможно ихъ всѣхъ передушить въ темницѣ. Цицеронъ этотъ совѣстливый и учтивый убійца съ своими vixerunt, былъ счастливѣе своего подражателя Кавеньяка!

Эту черту перейти гораздо труднѣе чѣмъ прочія. Всѣ реформы пощадили половину стараго, покрыли его развалины новыми ризами; сердце не совсѣмъ разрывалось, пріобрѣтенное не терялось съ разу; часть того что мы любили, что было намъ дорого и свято съ самаго дѣтства, что мы привыкли уважать, и

что перешло намъ преданіемъ—оставалось на утѣшеніе слабыхъ. Но тутъ отдать пришлось и остальное! Прощайте пѣсни кормилицы, прощайте воспоминанія отцовскаго крова, прощай привычка, власть которой сильнѣе власти генія, сказалъ Баконъ!

.....Во время разгрома ничто не перейдетъ таможни: а будетъ ли достаточно терпѣнія у людей чтобъ дождатся когда тучи разсѣятся?

Мало по малу всѣ интересы, предубѣжденія, запутанности занимавшіе въ продолженіи цѣлаго вѣка умы европейскіе — начинаютъ блѣднѣть, становятся ровнодушными, переходятъ въ вопросы партій. Гдѣ великія слова, потрясавшія сердца и наполнявшія слезами глаза? Гдѣ святыя знамена, которымъ Іоаннъ Гуссъ заставилъ покланятся въ одномъ станѣ; а 89 годъ — въ другомъ? Съ тѣхъ поръ какъ туманъ, покрывавшій февральскую революцію, разсѣялся, рѣзкая простота замѣнила путаницу, осталось только два интересныхъ вопроса:

Вопросъ соціальный, —

Вопросъ русскій.

Въ сущности, эти два вопроса составляютъ одинъ и тотъ же.

Вопросъ русскій, — случайная сторона, отрицательный оттискъ, новое беспокойство варваровъ чуящихъ предсмертіе стараго свѣта, его "memento mori" и—они его пожалуй убьютъ ежели онъ не имѣетъ силы самъ преобразиться.

Дѣйствительно, ежели соціялизмъ не въ состояніи

будетъ пересоздать распадающееся общество и довершить его судьбы — Россія довершитъ ихъ.

Я не говорю что это необходимо — но это возможно.

Ничего нѣтъ необходимо-нужнаго. Будущность не бываетъ неизмѣняемо рѣшена впередъ; неминуемаго предназначенія нѣтъ. Будущность въ нашемъ смыслѣ можетъ вовсе не существовать. Геологическій кризисъ можетъ совершенно уничтожить не только восточный — но и всѣ прочіе вопросы, за недостаткомъ спрашивающихъ. Будущность творится развитіемъ того что у ней подъ рукой, и смотря по окружающимъ условіямъ; общія влеченія мѣняются по обстоятельствамъ. Они рѣшаютъ какъ что будетъ, и колеблющаяся возможность становится дѣломъ рѣшеннымъ.

Россія точно также можетъ овладѣть Европою до Атлантическаго Океана, какъ и быть съ своей стороны побѣжденной до Урала.

Въ первомъ случаѣ, Европа должна быть разрозненой.

Во второмъ, Европа должна быть плотно соединена въ одно цѣлое.

Въ которомъ изъ этихъ положеній она находится?

Царизмъ идетъ впередъ движимый чувствомъ самосохраненія, и тѣмъ инстинктомъ, который служитъ путеводителемъ перелетнымъ птицамъ въ ихъ полетѣ къ Черному или Средиземному морю.

На пути своемъ ему не возможно не придти въ столкновеніе съ Европой.

Безумно было бы воображать что императоръ

Николай можетъ сопротивляться цѣлой Европѣ; это только въ томъ случаѣ возможно ежели бы Европа сама стала въ рядахъ его авангарда и подняла бы оружіе противъ самой себя: но оно такъ и есть.

Въ борьбѣ Европы съ Россіей старый и боязливый консерватизмъ ослабитъ заморитъ народное одушевленіе.

Европа раздѣлена на двѣ совершенно противуположныя партіи, ихъ взаимная ненависть гораздо сильнѣе ненависти Русскихъ и Турокъ между собой, и этотъ манихеизмъ общественный существуетъ во всякомъ Государствѣ, во всякомъ городѣ, во всякомъ селѣ. Какого же можно ожидать единства въ дѣйствіяхъ—до окончательной побѣды одного изъ спорящихъ? Войска геройски сражаются за границей когда они увѣрены, что дома есть недремлящій "Комитетъ общественнаго спасенія." Онъ вселилъ войскамъ революціи, ту удивительную энергію которая существовала еще двадцать лѣтъ послѣ его смерти.

Ничего въ мірѣ не можетъ болѣе ослабить духъ армій, какъ пагубная идея что за ними остается измѣна. А кто же имѣетъ довѣріе къ правительствамъ нынѣ существующимъ? Въ своемъ собственномъ стану люди порядка подозрѣваютъ другъ друга. Мы найдемъ вездѣ внизу и вверху—измѣнниковъ, продающихъ свою родину Николаю. Николаю служатъ не только банкиры и журналисты, но генералы и первые министры, братья и вся родня царей. У него запасъ великихъ княженъ, онъ ихъ

даритъ нѣмецкимъ Князькамъ, съ тѣмъ чтобы онѣ изъ мужей своихъ дѣлали ему слугъ; а когда эти великія княжны хвораютъ, Николай посылаетъ ихъ пользоваться "лондонскими туманами", которыхъ цѣлебныя средства открыты имъ однимъ! (1)

La fusion совершенно русская "L'Assemblée Nationale" кажется печатается въ Казани или въ Пензѣ. — Но ежели императоръ Николай предоставилъ бы всѣхъ этихъ Шамборъ-Немуровъ сладостямъ семейныхъ примиреній, удовольствіямъ охоты въ Фрошдорфѣ и собственнымъ силамъ, давно бы бонапартизмъ сдѣлался не только русскимъ, но — татарскимъ.

Король Белговъ имѣетъ въ Брюсселѣ русское агенство; король Даніи—маленькую контору въ Копенгагенѣ; Адмиральтейство—гордое Адмиральтейство Велико-Британіи смиренно служитъ полиціею царя въ Портсмутѣ, и какой нибудь самоѣдскій офицеръ презрительно топчетъ ногами актъ habeas corpus на палубѣ англійскаго судна. Король неаполитанскій—самъ корчитъ Николая, а императоръ Австрійскій его Антиной, — его страстный обожатель.

Много толкуютъ о русскихъ агентахъ какъ о какихъ нибудь презрительныхъ шпіонахъ, которымъ дорого плотятъ за сплетни, но настоящіе Шеню и Далагодды русскаго царя, — помазанники Божіи ихъ agnats и cognats, вся родня ихъ въ

(1) Передъ войной ci-devant великая княгина Марія Николаевна нынѣ Mme Strogonoff пріѣзжала въ Лондонъ подъ предлогомъ какого то нездоровья!

восходящихъ и нисходящихъ линіяхъ. Самый вѣрный регистръ русскихъ шпіоновъ—это Готскій Календарь.

Вы видите что дѣйствительной вражды съ Россіей быть не можетъ, покамѣстъ чисто начисто не выметутъ у васъ дома.

Несчастная необходимость соединяетъ Европу реакціонную съ царизмомъ; и ежели она погибнетъ черезъ него, то это будетъ верхъ ироніи.

Николай, объявивъ войну Турціи, сдѣлалъ самую умную шалость XIX столѣтія.

Теперь всѣ блюстители порядка, всѣ друзья, всѣ кліенты Николая, во всеуслышаніе кричатъ противъ него. Они принимали царя за полицейскаго солдата, и рады были стращать своихъ революціонеровъ 400,000 русскихъ штыковъ; они думали что онъ удовлетворится одною пассивною ролей страшилища; они позабыли что даже и какой нибудь Лудвигъ Бонапартъ не хотѣлъ довольствоваться должностью "пожарнаго сапера"......

А вѣдь какъ все было хорошо, ясные дни снова наставали; снова всѣ были покойны и довольны; массы, раздавленныя войсками, съ христіянскою кротостью, умирали съ голода. Не было уже ни свободы слова, ни трибунъ, ни...... Франціи! Папа, сопровождаемый арміею вышедшей изъ французской префектуры, снова раздавалъ на право и на лѣво свое апостольское благословеніе. Дѣла, по окончаніи Февральской драмы, шли своимъ порядкомъ. Настала всеобщая эра "любви и бракосочетаній." Бельгія соединялась съ Австріей въ

лицѣ австрійской Эрцгерцогини; молодой императоръ вѣнскій вздыхалъ у ногъ своей невѣсты; Наполеонъ III, — 45 лѣтній "Вертеръ" соединялся по любовному капризу съ своей "Шарлотой" Теба!

Вдругъ, среди всеобщаго спокойствія, всемирнаго благосостоянія, императоръ Николай бьетъ тревогу, начинаетъ религіозную войну, которая легко можетъ перенестись съ береговъ Чернаго Моря на берега Рейна, и которая во всякомъ случаѣ повлечетъ за собой все то—чего такъ боялись отъ революцій, —гибель собственности, контрибуціи, насилія, и сверхъ того занятіе странъ непріятелемъ, военныя судилища растрѣливанье и военныя контрибуціи.

Донозо Кортесъ, въ замѣчательной рѣчи своей произнесенной въ Мадритѣ 1849 года, предсказывалъ вторженіе Русскихъ въ Европу, и не находилъ для цивилизаціи другаго якоря спасенія, какъ только въ Единствѣ власти, т. е. въ неограниченномъ монархизмѣ подчиненномъ Католицизму. Первымъ условіемъ къ достиженію этой цѣли было—по словамъ его—введеніе Католицизма въ Англію.

Можетъ быть подобное Единство чрезвычайно усилило бы Европу; да по несчастью оно невозможно; невозможно какъ и всѣ прочія, исключая только Единства революціоннаго.

Ежели бы небоялись Революціи болѣе нежели Русскихъ, чего проще какъ идти на Севастополь, овладѣть Одессой; Магометанское народонаселеніе Крыма, не было бы враждебно Туркамъ. Заня-

вши эту позицію — сдѣлать воззваніе Польшѣ; дать свободу малороссійскимъ крестьянамъ — ненавидящимъ рабство. Чтобы тогда сдѣлалъ Николай съ своимъ православнымъ Богомъ?

Но вѣдь и Галиція Польша — скажетъ Австрія.

Но вѣдь и Познань Польша — скажетъ Пруссія.

А если Польша освободится, чѣмъ удержать Венгрію и Ломбардію? — скажутъ они вмѣстѣ.

Ну такъ не ходить на Севастополь — или развѣ объявить войну только для виду, войну которая окончится въ пользу Николая или Лудвига Бонапарта, т. е. въ обоихъ случаяхъ въ пользу деспотизма и даже противъ консерватизма. Деспотизмъ вовсе не консервативенъ; даже и въ Россіи. Напротивъ онъ все разъѣдаетъ и не создаетъ ничего прочнаго. Случается иногда, что народы въ дѣтствѣ, для скорѣйшаго роста и устройства покоряются деспотизму, и терпятъ его до совершеннолѣтія; но чаще ему, подпадаютъ народы дряхлые.

Ежели военный деспотизмъ алжирскій, или кавказскій, бонапартовскій или казачій, окончательно овладѣетъ Европой, то онъ невольно будетъ вовлеченъ въ жестокую борьбу съ старымъ обществомъ, потому что съ владычествомъ его не совмѣстны ни полу-свободныя учрежденія, ни образованность пріобыкшая къ полу-вольной рѣчи, ни наука основанная на разумѣ, ни даже промышленность становящаяся могуществомъ.

Деспотизмъ такъ какъ варварство — гробъ дрях-

лой цивилизаціи который иногда служитъ яслями новорожденнаго спасителя.

Міръ европейскій, въ той формѣ, въ которой онъ теперь существуетъ, окончилъ свою карьеру; но намъ кажется что ему слѣдовало бы окончить ее торжественнѣе; ежели не безъ страданій и боли, то по крайней мѣрѣ безъ стыда и униженія. Консерваторы, какъ вообще старые скупцы, боятся только наслѣдника; и отдаляются отъ него. Ихъ въ ночное время задушатъ и ограбятъ воры и разбойники.

Послѣ бомбардированія Парижа, послѣ заточенія, ссылки и казней безъ суда возставшихъ работниковъ, полагали что опасность миновала.

Но смерть — Протей. Ее вытолкали какъ ангела будущей жизни, она возвратилась скелетомъ прошедшаго; ее оттолкнули какъ Республику демократическую и соціальную, она возвращается Николаемъ, царемъ русскимъ или Наполеономъ, царемъ французскимъ.

Тотъ или другой, или оба вмѣстѣ, окончатъ борьбу. Но для того чтобы бороться надобно имѣть противника съ которымъ стоитъ вступать въ бой. Гдѣ же та приготовленная арена, то послѣднее укрѣпленіе за которымъ бы цивилизація могла вступить въ бой, и защищаться противъ притязаній деспотизма?

Въ Парижѣ? — Нѣтъ.

Какъ Карлъ пятый, Парижъ, еще при жизни, отрекся отъ своей міродержавной короны, немного военной славы и очень много полиціи достаточны для сохраненія порядка въ Парижѣ.

Мѣсто для турнира, champ clos — въ Лондонѣ.

Пока свободная и гордая своими правами Англія существуетъ какъ теперь — до тѣхъ поръ ничего окончательнаго не сдѣлано въ пользу варварства и самовластья . . . . . .

Россія и Австрія перестали ненавидѣть Парижъ съ 10 Декабря 1848 года. Парижъ потерялъ свой prestige для королей; они его уже не боятся. Вся ихъ ненависть обратилась на Англію. Они ее трусятъ они ее ненавидятъ и желали бы разграбить ее.

Въ Европѣ существуютъ государства реакціонныя, но не консеравтивныя. Англія одна—консервативна, потому что ей есть что хранить — личную свободу.

Это одно слово соединяетъ въ себѣ все то что преслѣдуютъ и ненавидятъ Бонапарты и Николаи. И вы думаете, что они, будучи побѣдителями и въ главѣ армій, оставятъ въ покоѣ, въ столь близкомъ разстояніи отъ Парижа порабощеннаго — Лондонъ свободный? Лондонъ, гнѣздо пропаганды, гавань открытая всѣмъ спасающимся ; Лондонъ, въ который побѣгутъ толпами люди изъ опустошенныхъ и превращенныхъ въ пепелъ городовъ материка — унося съ собой науки и художества ,промышленность и образованность.

Этаго достаточно для войны.

Тогда то осуществится желаніе Наполеона I — перваго варвара новѣйшихъ временъ ! Какое большее несчастіе революціонная Европа можетъ обрушить на Англію — какъ эта война деспотизма. У

свободныхъ народовъ слишкомъ много дѣла дома, чтобъ думать о внѣшней войнѣ.—

Англичане слѣпы; и слѣпота ихъ происходитъ не отъ эгоизма, не отъ жадности къ деньгамъ,—а просто отъ невѣжества, отъ привычки ходить по торной дорогѣ; рутина дѣлаетъ ихъ неспособными понимать, что человѣку надобно иногда пролагать новой путь, а не все слѣдовать по истоптаному старому шоссе.

Тѣ, которые имѣя глаза, не хотятъ смотрѣть — тѣ посвящены богамъ ада. Какъ ихъ спасти?

Глубокая и черная ночь покроетъ своею пеленою трудъ разложенія . . . .

А послѣ? . . . . Послѣ ночи обыкновенно наступаетъ день!

Прольемъ слезу надъ старцемъ, но оставимъ мертвымъ хоронить своихъ мертвыхъ — и съ чувствомъ сожалѣнія и уваженія, накрывъ гробовымъ саваномъ отходящее къ смерти, съ твердостью произнесемъ старое восклицаніе:

Король умеръ! — Да здравствуетъ Король! . . . . .

Лондонъ. 17 Февраля 1854 года.

—

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Любезный Линтонъ.

Славянскій міръ гораздо моложе Европейскаго.

Онъ моложе политически, точно такъ, какъ Австралія моложе его — геологически. Онъ сложился гораздо позже; онъ еще не развился, онъ еще міръ недавній, и едва только вступающій въ историческій потокъ.

Долгое, вѣковое существованіе ничего не значитъ. Дѣтство народовъ можетъ продолжаться нѣсколько тысячилѣтій, равно какъ и ихъ старость. Славянскіе народы служатъ примѣромъ первому, Азіятскіе — второму.

Но на чемъ можно основывать идею, что теперешнее состояніе Славянъ, есть ихъ дѣтство, а не дряхлость, что это ихъ начало, а не неспособность къ развитію вообще? Не имѣемъ ли мы передъ глазами примѣръ тому, что народы исчезаютъ, не оставляя по себѣ исторіи, да еще и такіе которые въ

свое время доказали что они не совсѣмъ лишены способностей (Финны).

Не много надобно вниманія къ судьбамъ Россіи, чтобъ понять въ такомъ ли она положеніи. Страшное тяготѣніе ее на Европу — не признакъ маразма или неспособности, напротивъ—признакъ ее полудикой силы, ее дурно направленной, но бодрой юности.

Съ такимъ характеромъ является она при первомъ появленіи своемъ на порогѣ міра образованнаго.

Въ Парижѣ господствовало регенство, въ Германіи, нѣчто еще худшее; повсюду разтлѣніе, изнѣженность, ослабляющій и унижающій развратъ — грубый въ Германіи, утонченный въ Парижѣ.

Въ этой вредной атмосферѣ, заразительныя испаренія которыя едва были заглушаемы косметическими благоуханіями, въ этомъ мірѣ наложницъ, не законно-рожденныхъ дочерей, любовниковъ управляющихъ государствами, середь разслабенныхъ нервъ, глупорожденныхъ принцовъ и министровъ плутовъ — какъ то становится свѣжѣе при видѣ Петра I, этаго рослаго варвара, въ простомъ мундирѣ изъ толстаго сукна, этаго сѣвернаго человѣка, дюжаго, мускулистаго, полнаго простоты, энергіи и силы. Таковъ былъ первый Русскій занявшій свое мѣсто между европейскими властелинами. Онъ явился за наукой, — и узналъ многое чего не ожидалъ. Онъ понялъ дряхлость западныхъ государствъ и испорченность ихъ правителей.

Тогда еще не предвидѣлась революція — должен-

ствовавшая спасти міръ; а гибель была передъ глазами. Такъ Петръ I понялъ будущее значеніе Россіи въ отношеніи Европы, и роль ея къ Азіи. Справедливо ли, или несправедливо его завѣщаніе, но оно конечно содержитъ въ себѣ его мысли, которыя онъ не рѣдко повторялъ въ своихъ замѣчаніяхъ и запискахъ.—Русское правительство до Николая, оставалось вѣрнымъ традиціи Петра I, даже и самъ Николай слѣдовалъ ей въ внѣшней политикѣ.

Россію можно ненавидѣть, можно проклинать, — но можно ли утверждать что она стара, остановилась, одряхлѣла?

Говорятъ что русскій народъ неподвижно сидитъ въ своемъ углу въ то время, какъ почти иностранное для него правительство дѣлаетъ въ Петербургѣ что хочетъ. Нѣмецкіе писатели выводятъ изъ этаго, что народъ русскій косный, азіатскій, не имѣетъ ничего общаго съ правительственной дѣятельностью; что это полудикое племя дипломатически завоеванно Нѣмцами, которые ведутъ его куда хотятъ. Надобно отдать справедливость нѣмецкимъ побѣдамъ; это самыя величайшія и самыя безкровныя въ мірѣ. Нѣмцы не довольствуются своимъ материнскимъ правомъ на Англію и Сѣверную Америку (Stamverwand!) они сверхъ того завоевали всю Россію, рыцарями Остзейскихъ Губерній, Гольштейнъ-Готорпской фамиліей, тучами генераловъ, дипломатовъ, шпіоновъ, и другихъ сановниковъ нѣмецкаго происхожденія.

Дѣйствительно, правленіе Петербургкое не на-

ціонально. Но и цѣль реформы Петра I была денаціонализація московской Русси. Пассивная оппозиція и своего рода неподвижность народа тоже — факты неоспоримые. Но съ другой стороны — русскій народъ невольно составляетъ живую и сильную основу правительству. Онъ образуетъ огромный хоръ, который въ свою очередь отпечатлѣваетъ свой духъ на нѣмецкомъ (если такъ хотятъ) деспотизмѣ петербургскаго правительства. Не любя его, народъ все таки смотритъ на него какъ на представителя своего національнаго единства, своей силы.

Ничто въ Россіи не имѣетъ того характера застоя или смерти, который постоянно и утомительно встрѣчается въ неизмѣняемыхъ повтореніяхъ одного и тогоже, изъ рода въ родъ, у старыхъ народовъ Запада.

По неспособности народа къ какой либо переходной формѣ, справедливо ли заключать о всеобщей неспособности его къ развитію.

Славянскіе народы собственно не любятъ ни государства, ни централизаціи. Они любятъ жить въ разбросанныхъ общинахъ, удаляясь какъ можно больше отъ всякаго вмѣшательстъа со стороны правительства. Они ненавидятъ военный строй, они ненавидятъ полицію. Федерація была бы самая народная форма для Славянскихъ народовъ. Петербургскій періодъ тяжкой искусъ, — трудное воспитаніе въ государственную жизнь. Онъ насильно сдѣлалъ большую пользу Россіи, соединивъ части ея, и спаявъ ихъ въ одно цѣлое — но онъ долженъ миновать.

Народъ русскій — народъ земледѣльческій. Улучшеніе быта собственниковъ въ Европѣ, принесло почти исключительно пользу однимъ горожанамъ— для крестьянъ революція только окончательно уничтожила крѣпостное состояніе и раздробила поземельную собственность. Раздѣлъ земли въ Россіи былъ бы смертельнымъ ударомъ ея общинному устройству.

Въ Россіи нѣтъ ничего оконченнаго, окаменѣлаго; все въ ней находится еще въ состояніи разствора, приготовленія. Гакстгаузенъ справедливо выразился, что въ Россіи всюду видно "недоконченность, ростъ, начало. Да, всюду чувствуешъ известь, слышишъ пилу и топоръ . . . . . . и при всемъ этомъ мы остаемся покорными, и терпимъ дикое самодержавіе?

. . . . . . Не должна ли Россія пройти всѣми фазами европейскаго развитія, или ея жизнь пойдетъ по инымъ законамъ? — Я совершенно отрицаю необходимость этихъ повтореній. Мы пожалуй должны пройти трудными и скорбными испытаніями историческаго развитія нашихъ предшественниковъ: но такъ какъ зародышъ проходитъ до рожденія, всѣ нисшія ступени зоологическаго существованія. Оконченный трудъ и добытый результатъ, входятъ въ общее достояніе всѣхъ понимающихъ — это круговая порука прогресса, маіоратъ человѣчества. Я знаю что результатъ самъ по себѣ не передается, покрайней мѣрѣ безполезенъ, — результатъ дѣйствителенъ, какъ послѣдствіе цѣлаго логическаго развитія.

Всякій школьникъ долженъ самъ найти рѣшеніе Евклидовыхъ предложеній — но какая огромная

разница между трудомъ Евклида, открывшаго ихъ, и трудомъ ученика нашего времени.

Россія продѣлала свою революціонную ембріогенію въ " европейскомъ классѣ. " Дворянство съ правительствомъ представляютъ у насъ европейское государство въ славянскомъ. Мы прошли всѣ фазисы политическаго воспитанія, начиная отъ нѣмецкаго конституціонализма, отъ англійскаго канцелярскаго монархизма, до поклоненія 93 году. —Подражаніе наше было похоже на аберрацію звѣздъ, которая въ маломъ видѣ передаетъ намъ путь проходимый земнымъ шаромъ по своей орбитѣ.

Народу русскому не нужно начинать снова этотъ тяжкій трудъ. Зачѣмъ ему проливать кровь свою для достиженія тѣхъ полу-рѣшеній до которыхъ мы дошли, и которыхъ вся важность состоитъ только въ томъ, что мы черезъ нихъ дошли до иныхъ вопросовъ, до новыхъ стремленій.

Мы, за народъ отбыли эту тягостную работу — мы поплатились за нее висѣлицами, каторжною работою, казематами, ссылкою раззорѣніемъ и нестерпимою жизнію въ которой живемъ!

Въ Европѣ не подозрѣваютъ о страшныхъ мученіяхъ, въ которыхъ сломились, изныли два послѣднія поколѣнія. Гнетъ становится день ото дня сильнѣе, тягостнѣе, обиднѣе; надо прятать свою мысль, удерживать біеніе сердца . . . . . и среди этой мертвой тишины, вмѣсто утѣшенія опоры, мы увидѣли бѣдность революціонной идеи и равнодушіе къ ней народа.

Вотъ источникъ той мрачной тоски, того разлагающаго скептицизма, той тягостной ироніи, которые составляютъ характеръ русской поэзіи. Кто молодъ, кто имѣетъ теплое сердце, тотъ ищетъ какъ нибудь забыться, усыпить себя чѣмъ нибудь—люди талантливые умираютъ на полъ-дорогѣ, сосланные или сами добровольно удаляющіеся отъ всякаго участія въ страшныхъ дѣлахъ. Объ нихъ и объ ихъ ужасной кончинѣ говорятъ, потому что многіе слышали какъ билась ихъ голова объ мѣдный сводъ душившій ихъ, потому что имъ удалось покрайней мѣрѣ заявить свою силу ......но сотни другихъ, которые съ отчаяніемъ сложили руки, морально убили себя, отправились на Кавказъ, заперлись въ своихъ имѣніяхъ, не выходятъ изъ игорныхъ или публичныхъ домовъ—всѣ эти лѣнтяи о которыхъ никто не пожалѣлъ, никто не свѣдалъ,—страдали не меньше ихъ!

Для дворянства наступаетъ конецъ этаго искуса. Образованная Россія должна возвратиться къ народу. Русскій народъ собственно стали узнавать только послѣ революціи 1830 года. Съ удивленіемъ увидѣли что русскій человѣкъ, равнодушный, неспособный ко всѣмъ политическимъ вопросамъ—бытомъ своимъ, ближе всѣхъ европейскихъ народовъ подходитъ къ новому соціальному устройству.—Можетъ вы скажете на это, что въ этомъ русскій походитъ на нѣкоторые азіатскіе народы, и укажите на сельскія общины у Индусовъ, довольно схожія съ нашими. Я и не отвѣргаю чтобы у Азіатскихъ народовъ не было соціяльныхъ элемен-

товъ, и даже можетъ больше нежели у западныхъ народовъ. Не общинное устройство держитъ азіатскіе народы въ неподвижности, а ихъ исключительная народность, ихъ невозможность выйти изъ патріальхализма, освободиться отъ рода;—мы не въ томъ положеніи.

Славянскіе народы напротивъ имѣютъ большую удобовпечатляемость; они легко усвоиваютъ себѣ, языки, обычаи, искуства и технику другихъ народовъ. Они равно обживаются у Ледянаго Океана и на берегахъ Чернаго Моря.

Въ образованной Россіи (какъ она не оторвана отъ народа, но все таки въ ней есть черты его характера) вы не найдете той капризной упорности старой женщины, того упрямаго непониманія, которыя на каждомъ шагу встрѣчаются въ старомъ свѣтѣ.

Съ изумленіемъ останавливаемся мы передъ китайскими стѣнами, которыя межуютъ Европу. Англія и Франція едва имѣютъ понятіе объ умственномъ движеніи Германіи. Еще больше, эти два европейскіе Китая, отдаленные только на нѣсколько часовъ ѣзды, связанные между собой безпрерывною торговлею, плохо знаютъ другъ друга—Парижъ и Лондонъ дальше другъ отъ друга нежели Лондонъ и Нью-Іоркъ. Англичанинъ, простолюдинъ, смотритъ на Француза съ дикой ненавистью и съ видомъ тупаго превосходства; Французъ отвѣчаетъ ему жалкимъ презрѣніемъ.

Англійскій буржуа надоѣдаетъ вопросами, открывающими такое глубокое незнаніе сосѣдняго

края, что стыдно отвѣчать.—Французъ проживши пять лѣтъ въ Лейстеръ Скверѣ или въ Соо, ничего не понимаетъ что дѣлается во кругъ него. — И въ тоже время Германская наука, которая не въ состояніи перейти за Рейнъ, очень хорошо доходитъ до береговъ Волги и за нихъ; поэзія Шекспира и Байрона, не выносящая переѣзда через Ла-Маншъ—доплываетъ живо и невредимо до береговъ Балтійскихъ? И все это дѣлается не забудьте еще подъ гнетомъ отталкивающаго и ревниваго правительства, употребляющаго всѣ средства чтобъ отдалить насъ отъ Европы?

Наше домашнее и общественное воспитаніе имѣетъ въ себѣ тотъ же универсальный характеръ; — нѣтъ воспитанія менѣе религіознаго чѣмъ наше, и болѣе полиглотнаго. Реформа Петра I, въ высшей степени реалистическая, свѣтская и вообще—европейская, дала ему этотъ характеръ. Каѳедры теологіи учреждены были въ нашихъ университетахъ, только современъ Александра I, и то въ послѣдніе годы его царствованія. Съ Николая начинается открытое гоненіе противъ всякаго обращенія въ другую вѣру,—но я не думаю чтобы его полицейское православіе пустило глубокіе корни, что же касается до изученія новыхъ языковъ, то это такъ взошло въ нравы, что невозможно искоренить. Даже правительство многоязычно: оффиціальныя газеты печатаются по русски, по французски и по нѣмецки.

Наше воспитаніе не имѣетъ ничего общаго съ тою средою для которой человѣкъ назначенъ —

и это превосходно. Образованіе у насъ, отдаляетъ молодаго человѣка отъ безнравственной почвы, оно его гуманизируетъ, и необходимо ставитъ его въ оппозицію съ оффиціальной Россіей. Онъ отъ этого много страдаетъ — и этими страданіями заглаживаетъ ошибки и преступленія отцевъ своихъ — и въ нихъ же находятся зародыши переворота. — Но самыя тяжкія времена распаденія проходятъ: развитое меньшинство встрѣчается съ народомъ, тогда, когда оно вовсе того не ожидало.

Съ удивленіемъ слушали у васъ наши разсказы о русской общинѣ, раздѣлѣ полей, мировыхъ сходкахъ, объ работничихъ артеляхъ, объ избранныхъ старостахъ. Многіе думали что все это мечты, соціалистической бредъ.

Но является человѣкъ вовсе не революціонерный, и издаетъ три тома о сельской общинѣ въ Россіи. Гакстгаузенъ, католикъ, прусскій баронъ, агрономъ, и до такой степенени радикальный монархистъ, что по словамъ его, прусскій король слишкомъ либераленъ, императоръ Николай слишкомъ человѣколюбивъ.

Факты нами указанные, описаны имъ in extenso. Я не намѣренъ повторять здѣсь того, что я уже говорилъ о начальной организаціи этого self-goverтement общинъ, гдѣ все избирательно, гдѣ все — владѣльцы, а земля не принадлежитъ никому, гдѣ пролетаріатъ — исключеніе.

Теперь вы легко увидите, что русскій народъ,

подавленный рабствомъ и правительствомъ не можетъ идти по колеѣ европейскихъ народовъ, повторяя ихъ прошлыя революціи, исключительно городскія, и которые тотчасъ пошатнули бы основанія его общинной организаціи. — Напротивъ того, грядущая революція находится на болѣе родной почвѣ — и мы увидимъ какой будетъ результатъ отъ этой встрѣчи.

Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное self-governement по городамъ и всему государству, сохраняя народное единство, — вотъ въ чемъ состоитъ вопросъ о будущемъ Россіи, т. е. вопросъ той же соціальной антиноміи, которой рѣшеніе занимаетъ и волнуетъ умы Запада.

Государство и отдѣльная личность — власть и свобода — комунизмъ и эгоизмъ (въ обширномъ смыслѣ слова), вотъ геркулесовы столбы великой борьбы, великой революціонной эпопеи.

Европа даетъ рѣшеніе изуродованное и отвлеченное,

Россія — изуродованное и дикое.

Революція соединитъ ихъ.

Будущее никогда не формируется вполнѣ прежде своего осуществленія.

Народы англо-саксонскіе освободили лице на счетъ общественной круговой поруки, — обособляя человѣка. Русскій народъ сохранилъ общинное устройство, отрицая личность, поглощая человѣка.

Развитіе личнаго права - закваска долженствующая привести въ броженіе массу силъ дремлю-

щихъ въ бездѣйствіи общинно патріархальнаго порядка. Личное начало входитъ въ русскую жизнь инымъ путемъ, оно осуществилось въ лицѣ революціоннаго царя отрицающаго традиціи и національность, разрушающаго единство народное внутреннимъ расщепленіемъ.

Русская Имперія твореніе XVIII вѣка; все что было начато въ это время, носитъ въ себѣ зародышъ революціонный.

Холостой дворецъ Фридриха II и смирительный домъ, служившій дворцемъ отцу его, вовсе не были такъ монархически какъ Ескуріалъ и Тьюльри. Въ новыхъ государствахъ воздухъ вѣялъ рѣзкій, утренній; въ нихъ вообще все сухо, просто, положительно, раціонально; а это именно убиваетъ религіозный и монархическій духъ. Тоже самое и въ Россіи.

Петръ I круто отбросилъ традиціи византино-московскія. Онъ предпочиталъ власть престолу; онъ дѣйствовалъ болѣе страхомъ нежели величіемъ, и ненавидѣлъ *mise en scène* необходимую для Монархіи.

Организація русской имперіи чрезвычайно проста. Это—правленіе Доктора Франсіа въ Паратваѣ, приложенное къ странѣ съ шестидестью милліонами жителей. Это—осуществленіе бонапартовскаго идеала: нѣмой народъ, безъ правъ, задавленный войскомъ, и надъ нимъ дворянство покровительствуемое правительствомъ.

Россія, управляется адъютантами, ординарцами, писарями и естафетами. Сенатъ, государственный

совѣтъ и министерства просто канцеляріи, въ которыхъ дѣла не разбираются, а только переписываются.

Вся администрація представляетъ собою телеграфическіе знаки, которыми одно лице заявляетъ изъ Зимняго Дворца свою волю.

Такую исполнительную и автоматическую организацію легче потрясти однимъ ударомъ на вершинѣ, нежели измѣнить въ основаніи.

Въ монархіи если государь убитъ, монархія остается.

У насъ—остается деспотическая машина, бюрократическій порядокъ; лишь бы телеграфъ дѣйствовалъ кто бы имъ не управлялъ повиноваться будутъ.

Можно завтра же посадить на мѣсто Николая—Орлова или кого нибудь другаго, это не произведетъ никакого волненія; дѣла будутъ исполняться съ тою же точностью, машина будетъ продолжать свою игру, переписывать, отписывать, сообщать, отвѣчать, машинисты будутъ красть; и показывать своевѣрноподанническое рвеніе.

Императрицу Екатерину II пугали нѣмота и всемогущество, безпредѣльная покорность исполнителей и рабовъ, до того безсмысленно повинующихся что ихъ покорность переживаетъ приказывающаго. Она старалась внушить дворянству болѣе независимыя понятія, желая окружить ихъ людьми, добровольно преданными ей, на которыхъ она могла бы надѣяться. Молчаніе писарей и исполнителей страшило супругу Петра III. Она помнила

какъ усердный Алексѣй Орловъ молча задушилъ своего господина, какъ писаря писали „Е. В. изволило скончатся," и никто не смѣлъ боясь казни не признать ее Императрицей и спросить какъ умеръ Петръ III.

Попытки ея новыхъ учрежденій дѣйствительно были замѣчательны. Никто серьезно не вглядывался въ ихъ эксентрическій характеръ, въ нихъ было странное соединеніе демократизма и аристократизма, деспотизма и представительства, Іоанна Грознаго и Монтескье.

Всѣ эти учрежденія носятъ двойную печать — петровскаго періода и несложившихся національныхъ стремленій, усовершенствованныхъ развивающейся идеей западной гражданственности.

Судьи выбираются, и выбираются на нѣсколько лѣтъ; они принадлежатъ дворянству, мѣщанству и крестьянамъ; судебнаго сословія вовсе нѣтъ. Имѣющій право участвовать въ выборахъ, можетъ быть выбранъ въ судьи. Отсутствіе судебнаго сословія — фактъ замѣчательный. Однимъ врагомъ у насъ меньше — да еще какимъ врагомъ? Другаго чернаго человѣка, свѣтскаго священника, тайнаго жреца Закона человѣческаго, имѣющаго монополь судить, приговаривать, понимать ratio scripta — у насъ нѣтъ. Конечно смѣшно видѣть отставнаго кавалерійскаго офицера выбраннымъ въ судьи, не понимающаго ни законовъ, ни процедуры; но съ другой стороны печально предполагать всѣхъ людей неспособными разобрать дѣло, исключая касты знатоковъ по обязанности, воспитанныхъ ad hoc.

Ежели выбранные судьи не хороши, тѣмъ хуже для избирателей — они должны, знать что дѣлаютъ. Но, скажутъ намъ, юристомъ несдѣлаешся безъ ученія; законы такъ сложны, что надобно много, большихъ занятій, чтобъ не заблудиться въ этомъ лабиринтѣ.... Это справедливо, — но изъ этаго не слѣдуетъ, что съ самаго дѣтства нужно приготовливать спеціальный классъ для пониманія законовъ; а напротивъ, то, что слѣдуетъ бросить всѣ эти запутанные законы въ огонь. — Отношенія людей просты, формальность судейскіе обычаи, вся эта поэзія адвокатовъ, всѣ fioriturі юриспруденціи только запутываютъ вопросы.

Въ Россіи, судъ первыхъ инстанцій составленъ изъ члена выбраннаго дворянствомъ, другаго выбраннаго мѣщанами и третьяго вольными крестьянами. Два кандидата выбираются дворянствомъ для должности предсѣдателя уголовной палаты. Правительство назначаетъ однаго изъ нихъ, и съ своей стороны, посылаетъ прокурора имѣющаго право останавливать всякое рѣшеніе и пересылать его въ сенатъ.

Ежели вы вспомните, что прокуроръ принадлежитъ также дворянству, то вы ясно увидите, что дѣйствія мѣщанскаго члена и члена изъ крестьянъ подавлены во всѣхъ случаяхъ разногласія. Они имѣютъ полное право протестовать и внести дѣло на разсмотрѣніе въ сенатъ. Но это случается очень рѣдко, по очевидной причинѣ: Сенатъ не имѣющій никакого элемента ни народнаго ни избирательнаго — всегда за одно съ дворянами или съ правитель,

ствомъ это такъ, но мы говоримъ о нормѣ, а не о злоупотребленіяхъ, и я обращаю ваше вниманіе на возможное развитіе ее въ будущемъ, а не на современное положеніе.

Десять лѣтъ тому назадъ въ московскія головы былъ избранъ человѣкъ безкорыстный и строгій. Обязанность городскаго главы состоитъ въ надзорѣ за городскими суммами; — онъ распоряжается городскими приходами и расходами. Обыкновенно на эти мѣста выбираютъ какого нибудь миліонера, любящаго выказываться въ оффиціальныхъ празднествахъ, давать чудовищные обѣды и балы, подписывающаго все что угодно правительству и чего хочетъ начальство. Московскій городской глава Шестовъ, иначе понялъ обязанность, на него возложенную: онъ подрѣзалъ крылья оффиціальныхъ воровъ, оберъ полицмейстеръ объявилъ ему отчаянную войну. Глава принялъ вызовъ и битва кончилась-паденіемъ оберъ - полицмейстера.

Но не одни судьи избирательные — земская полиція тоже избирательная. Исправникъ и засѣдатели или становые выбираются дворянствомъ.

Уѣздная полиція оканчивается внизъ сельской общиной—съ своимъ a parte, съ избраннымъ старостой, съ своей избранной полиціей, — съ своимъ поглощеніемъ личности во имя традиціоннаго и національнаго комунизма.—За губернскими выборными мѣстами вверхъ начинается правительственная централизація; въ ней теряется всякой слѣдъ самобытнаго права, все поглощено и уничтожено петер-

бургской диктатурой, во имя самодержавнаго и вовсе не славянскаго деспотизма.

И такъ идеи личнаго права и идеи независимости могутъ проявиться у насъ только въ дворянствѣ, или въ среднемъ сословіи.

Вліяніе мѣщанства не имѣетъ того значенія въ Россіи какъ въ Европѣ, — не только оттого что развитіе промышленности до сей поры не значительное, но и потому что высшее мѣщанство или купечество легко получало личное дворянство.

Мало знаемъ мы нравственныя силы мѣщанства. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можно было ихъ видѣть, оно показывало себя отсталымъ, точно консервативнымъ, православнымъ, раболѣпнымъ и тяжело патріотическимъ. Угнѣтенное, всего боящееся, — оно скрывало свои богатства, пряталось само, молчало, жило на заперти; строило церкви, раздавало милостыню бѣднымъ и заточеннымъ, давало взятки чиновникамъ—и копило миліоны.

Новое поколѣніе, получившее образованіе, можетъ быть, пойдетъ по другой дорогѣ и приметъ иныя идеи.

У насъ дворянство больше администрація чѣмъ аристократія. Родъ, графскій и княжескій титулъ, древность имени, и величина владѣній, не даютъ никакихъ особенныхъ привилегій, связанныхъ исключительно съ чинами. Есть повѣрье, что ежели два поколѣнія дворянъ не служили, то правительство можетъ лишить ихъ дворянства.

Эта всеобщность службы даетъ ей самой иное значеніе. Служить въ Россіи не значитъ, какъ во Франціи — быть агентомъ, *âme damnée* власти. Всѣ заговорщики 14 Декабря служили. Общественное мнѣніе не смѣшиваетъ дѣйствительно преданныхъ чиновниковъ, полныхъ ревенія, служащихъ по вкусу, съ чиновниками не имѣющими этихъ качествъ. Первыхъ иногда боятся, но никогда не уважаютъ. Другіе же составляютъ все независимое общество въ столицахъ и губерніяхъ. Классъ этотъ довольно обширенъ, ежели причислить къ нему — военныхъ, вообще меньше раболѣпныхъ нежели гражданскіе чиновники, людей вышедшихъ въ отставку 25 или 26 лѣтъ и живущихъ въ своихъ имѣніяхъ и служащихъ только по выборамъ.

Вотъ въ этой то средѣ, наше общее и полиглотное воспитаніе образовало можетъ быть самыхъ независимыхъ людей въ Европѣ. Подавляющій деспотизмъ, отсутствіе свободы слова, необходимость быть ежеминутно на сторожѣ, пріучили мысль сосредоточиваться, пріучили ее къ внутренней, смѣлой и безжалостной работѣ. Новая литтература иногда высказывала долю затаенныхъ страстей, наполняющихъ грудь русскаго человѣка. Безъ страха и жалости дошли передовые люди до соціальныхъ идей въ политикѣ — до реализма въ наукѣ, до отрицанія и скептицизма въ философіи.

Соціализмомъ — революціонная идея можетъ у насъ сдѣлаться народною. Въ то время какъ въ Ев-

ропѣ соціализмъ принимается за знамя безпорядка и ужасовъ, у насъ, напротивъ, онъ является радугой пророчащей, будущее народное развитіе.

Теперь ознакомившись съ элементами русской жизни, вы поймете что Россіи невозможно сдѣлать шага впередъ не вступая въ какой нибудь внутренной переворотъ или въ европейскую войну.

Освобожденіе крестьянъ, дѣло столь простое въ прочихъ государствахъ, невозможно у насъ безъ уступки крестьянамъ земли; а освобожденіе съ землей — лишеніе значительной собственности дворянства. Условія дворянскаго быта должны перемѣниться съ освобожденіемъ а съ ними и его отношенія къ правительству; не забудьте что судъ и полиція внѣ городовъ принадлежатъ дворянству, и дворянство всякой губерніи организовано въ совѣщательныя собранія, и привыкло правильно собираться въ назначенные сроки.

Ежели бы на русскомъ престолѣ—былъ дѣйствительно энергическій человѣкъ, то онъ былъ бы главнымъ двигателемъ освобожденія крестьянъ; онъ покрылъ бы величайшею славою конецъ петербургскаго періода, онъ самъ бы далъ направленіе неминуемому событію. Но для этаго нуженъ Петръ I, а не Николай.

Позвольте мнѣ объяснить эту мысль. Не одинъ абсолютизмъ, препятствуетъ прогрессу въ Россіи. Петербургскій деспотизмъ сохранилъ, какъ я вамъ уже сказалъ, свою диктаторскую форму, форму революціонную, лишенную традицій и началъ;—это орудіе, могущее служить всякимъ цѣлямъ. Но съ тѣхъ поръ какъ

русское правительство съ 26 Декабря 1825 года приняло свой настоящій характеръ, оно сдѣлалось неспособно къ чему либо полезному. Николай пошелъ вспять и сдѣлалъ это съ чрезвычайной неловкостью. Онъ хотѣлъ больше быть царемъ, чѣмъ императоромъ — но не понявъ славянскій духъ, онъ не достигъ цѣли и ограничился преслѣдованіемъ всякаго стремленія къ свободѣ, угнетѣніемъ всякой идеи прогресса и остановкою всякаго необходимаго развитія. Онъ хотѣлъ изъ своей имперіи создать военную Византію, отсюда его народность и православіе, холодныя и ледяныя какъ петербургскій климатъ. Николай постигъ только китайскую сторону вопроса. Въ его системѣ не было ничего движущаго, даже ничего національнаго, — не сдѣлавшись русскимъ, онъ пересталъ быть европейскимъ.

Въ свое долгое царствованіе онъ послѣдователно коснулся почти всѣхъ учрежденій, вводя всюду элементъ паралича, смерти.

Дворянство не могло оставаться замкнутой кастой, по легкости съ которой получались дворянскія грамоты. Николай поставилъ препятствія соединяя достоинство потомственнаго дворянина съ чиномъ маіора въ военной службѣ и — статскаго совѣтника — въ гражданской.

До Николая всякій дворянинъ былъ избирателемъ; онъ учредилъ избирательный ценсъ.

Онъ сталъ пазначать становыхъ отъ правительства, подъ начальствомъ исправника выбраннаго дворянствомъ.

Онъ ввелъ смертную казнь за преступленія политическія и отцеубійство.

Уголовные законы не признавали нелѣпаго наказанія тюрьмой—Николай ввелъ его.

Терпимость вѣроисповѣданій составляла одно изъ основаній Имперіи созданной Петромъ I; Николай издалъ свирѣпые законы противъ лицъ перемѣнившихъ религію.

Дворянская грамота предоставляла право, дворянамъ жить гдѣ они хотѣли, и вступать въ службу иностранныхъ государствъ. Николай ограничилъ право перемѣны мѣста и время путешествій.—Онъ учредилъ конфискацію, не употреблявшуюся его предшественниками.

Петръ III уничтожилъ тайную канцелярію, родъ свѣтской инквизиціи; Николай возстановилъ ее, учреждая цѣлый корпусъ вооруженныхъ и невооруженныхъ шпіоновъ, которыхъ далъ на выучку Бекендорфу а впослѣдствіи поручилъ другу своему Орлову.

Всѣми этими средствами Николай затормозилъ движеніе, подкладывая каменья подо всѣ колеса, и теперь негодуетъ на то что ничего не идетъ. Онъ во что бы ни стало хочетъ что нибудь сдѣлать, старается изо всѣхъ силъ........можетъ колеса разсыпятся и кучеръ свернетъ себѣ шею.

Но можетъ еще онъ будетъ имѣть верхъ въ борьбѣ съ старымъ свѣтомъ, усталымъ, разъединеннымъ, задавленномъ.

Я вамъ сказалъ, любезный Линтонъ, въ первомъ письмѣ моемъ, что, ежели народу русскому пред-

стоитъ одна только будущность—то судьбамъ россійской имперіи предстоятъ двѣ.

Я вполнѣ убѣжденъ что русскій имперіализмъ ослабнулъ бы и разложился въ короткое время передъ Европой свободной и соединенной (на сколько то позволяютъ ея національныя различія). Петербургское самодержавіе не догматъ, не начало, —а только сила; для него необходимо всегда что нибудь дѣлать. Полиція и сгнетѣніе всякой мысли не могутъ замѣнить всего,—другихъ дѣятельностей у него нѣтъ или онѣ пугаютъ его.

Для него были бы только два исхода при свободной Европѣ:—передѣлаться въ демократическое и соціальное самовластье, что можетъ не совершенно не возможно, но—что совершенно измѣнитъ его характеръ;—или замереть, заглохнуть и окаменѣть въ Петербургѣ, — теряя ежедневно свое вліяніе, силу, prestige, и наконецъ—сдѣлаться жертвою возмущенія крестьянъ или бунта солдатъ.

Когда къ двѣнадцати миліонамъ рабовъ, присоединятся казаки, глубоко обиженные потерею своихъ правъ и вольности; — раскольники, которыхъ число и моральная сила очень значительны и ненависть къ правительству непримирима; — да сверхъ того часть дворянства!..... будетъ о чемъ подумать тогда жителямъ зимняго дворца.

Не былъ ли Пугачевъ полнымъ властителемъ четырехъ губерній въ продолженіи нѣсколькихъ

мѣсяцевъ? Правда и то что теперь уже не такія приняты военныя мѣры, какъ въ 1770 году.

Однако я очень хорошо помню возстаніе военныхъ поселеній въ Старой Руси въ 1831 году, въ 150 верстахъ отъ Петербурга и въ 450 отъ Москвы, въ томъ мѣстѣ гдѣ всегда столько расположено войскъ! Инсургенты прервали всякое сообщеніе между столицами, имѣли время казнить всѣхъ офицеровъ учредивъ какое то правленіе, составленное изъ полковыхъ писарей.

Русскій солдатъ не привыкъ убивать Русскихъ.(1) Какъ то, во время случившагося бунта крестьянъ, при введеніи новаго министерства государственныхъ имуществъ, былъ посланъ туда полкъ чтобъ разогнать народъ. Народъ не расходился, и продолжалъ просить чего то. Генералъ, видя что увѣщанія его не дѣйствують приказалъ солдатамъ зарядить ружья и приложиться — народъ не двинулся съ мѣста; тогда генералъ далъ знакъ открыть пальбу; полковникъ скомандовалъ "Пли!" .... не раздалось ни однаго выстрѣла. Генералъ, удивленный, ошеломленный, грозно повторилъ команду. Солдаты опустили ружья къ ногамъ, и стояли неподвижно. Генералъ, блѣдный какъ смерть, просилъ полковника и офицеровъ хранить это втайнѣ. Подобное можетъ повториться .... къ тому же въ революціонномъ воздухѣ есть какое то электричество,

(1) Подобный случай былъ въ Петербургѣ во время холернаго мятежа. Корфъ въ своей книгѣ говоритъ объ Артиллеристѣ который 14-го Декабря не хотѣлъ стрѣлять.

обезсиливающее старыя власти; такъ какъ атмосфера европейской реакціи укрѣпляетъ и дѣлаетъ долговѣчной царскую власть.

Монархическая и не слишкомъ военная Европа, не хочетъ и не должна имѣть серьезной войны съ царемъ. Царь, съ своей стороны не можетъ воздержаться отъ войны съ Европой, развѣ она ему подаритъ Константинополь.

Константинополь?—Да! Константинополь. Онъ ему необходимъ для того чтобы отвести глаза русскаго народа на Востокъ; онъ ему необходимъ чтобы усилить усердіе православной церкьви; наконецъ онъ ему необходимъ инстинктивно, потому что, не смотря на все Николай орудіе судьбы. Онъ безсознательно приводитъ въ исполненіе внутренніе виды исторіи, и скорымъ шагомъ, съ закрытыми глазами, не видя пропасти идетъ на ихъ совершеніе.

Время славянскаго міра настало. Таборитъ, общинный человѣкъ, тревожно раскрываетъ глаза, соціализмъ что ли его пробудилъ? . . . . Гдѣ водрузитъ онъ свое знамя? Около какого центра соберется онъ?

Это средоточіе не Вѣна, городъ рококо-нѣмецкій, ни Петербургъ городъ ново-нѣмецкій, ни Варшава, городъ католическій, ни Москва, городъ исключительно русскій. Настоящая столица Соединенныхъ Славянъ? Константинополь—Римъ Восточной Церкви, центръ тяжести всѣхъ Славяно - Грековъ — Византія, окруженная Славяно - Эллинскимъ населеніемъ.

Германо-Латинскія племена продолжаютъ Им-

перію Западную, незнаю суждено ли Славянамъ продолжать Имперію Восточную?—но во всякомъ случаѣ не Петербургъ завоюетъ Константинополь, а скорѣе Константинополь замѣнитъ Петербургъ.

Петербургъ былъ бы такою же нелѣпостью въ въ Имперіи владѣющей Константинополемъ, какъ какой нибудь Гольштейнъ-Готорпъ, прикинувшійся Порфирогенетомъ или палеологомъ! —

Добрымъ нѣмецкимъ выходцамъ, этимъ, много дѣла па старой родинѣ.

Развѣ вы не слышите какъ за вашей дверью казакъ перешептывается съ двумя нѣмецкими пріятелями которые вамъ измѣняютъ, и готовы служить ему проводниками въ Европу?

Послѣ 1849 года, мы предсказывали что: Домъ габсбургскій и гогенцолернскій приведутъ еще русскихъ въ сердце западнаго міра.

Для царя, война, это выступленіе изъ береговъ отъ избытка гложущихъ силъ, послужитъ средствомъ отдалить на время всѣ внутренніе вопросы, и утолить дикую жажду битвъ и увеличенія.

Для Европы, всякая война — несчастіе. Европа уже не въ тѣхъ лѣтахъ чтобъ вести войну поэтическую. Ей предстоитъ рѣшеніе другихъ вопросовъ, поддержаніе другой борьбы, но она сама накупается на нее.

Завоевательная война—не совмѣстна съ цивилизаціей и промышленнымъ развитіемъ Европы, солдатскій абсолютизмъ нелѣпъ въ ней; а однако весь материкъ предпочелъ цезаризмъ — свободѣ!

Самовластье, цезаризмъ по сущности своей правленіе военное, — правленіе матеріальной силы, апотеоза, штыка. Статскихъ бонапартовъ нѣтъ, даже сынъ Жерома—генералъ-лейтенантъ.

Можетъ быть среди крови, битвы, пожара, опустошенія — народы проснутся, и увидятъ, протирая глаза, что всѣ эти сновидѣнія страшныя уродливыя были, ни что иное какъ сновидѣнія какъ бредъ горячки.... Бонапартъ, Николай; мантія съ пчелами, мантія облитая польской кровью; императоръ висѣлицъ, императоръ-шулерства—все это не существуетъ—призракъ; и народы, увидя какъ солнце высоко, удивятся своему долгому сну. Можетъ быть...

И во всякомъ случаѣ война эта — Introduzione maestosa e marziale міра славянскаго въ всеобщую исторію и съ тѣмъ вмѣстѣ una marcia funebre стараго свѣта.

Прощайте. Дружески кланяюсь вамъ.

Лондонъ 20 Февраля 1854 года.

—

ОГЛАВЛЕНІЕ

Предисловіе. V

Письмо первое. 1

Письмо второе. 13

Письмо третье. 27

—

connected with literature, science, and the arts They have also established Agents in Paris, Vienna, St. Petersburg, Amsterdam, Berlin. Copenhagen, Leipzig, etc., and by dealing directly with these Agents, they are enabled to offer superior advantages both in buying and selling on the Continent.

Orders can be forwarded through any Bookseller in the United States, the United Kingdom, and on the Continent of Europe.

TRÜBNER AND CO.,

AMERICAN, CONTINENTAL, AND ENGLISH BOOKSELLERS,

60, PATERNOSTER ROW, LONDON.

—

UNIVERSAL PRINTING ESTABLISHMENT:

Zeno Swietoslowski, 178-179, High Holborn.—London.

2010515806